

Т. ПАРСОНС, Р. БЕЙЛЗ, Э. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ

Глава 5. ФАЗОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЯЗИ С МОТИВАЦИЕЙ,
ОБРАЗОВАНИЕМ СИМВОЛОВ И РОЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ*
(Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз)

VI. Вход и выход и связи между мотивацией и образованием символов
(продолжение)

Экономия входа—выхода мотивационной энергии

Мотивационный вход из предшествующего состояния системы должен мыслиться не как абсолютное количество, а как состояние (rate) потока, включающее в себя как [его] совокупный «объем», так и аллокативное распределение между всевозможными установившимися каналами. Выход, соответственно измеряемый в мотивационных терминах, должен мыслиться под углом зрения того, изменились ли этот объем и это распределение за рассматриваемый период времени.

Использование состояния потока мотивационной энергии как точки отсчета согласуется с нашей концепцией действия как однонаправленного процесса, потребляющего энергию. Эту энергию мы мыслим как конвертируемую в изменения состояния системы и ее ситуации *по сравнению с тем, каким бы оно было*, если бы входа энергии не произошло. Часть ее, стало быть, идет на *поддержание* системы в стабильном состоянии, часть — на *изменение* этого состояния и ситуации. В конечном счете, перед нами стоит вопрос сравнения состояния мотивационного входа в конце периода с тем, которое было вначале.

Говоря о выходе мотивационного процесса, мы должны, следовательно, провести различие между тем, что произошло с потребленной энергией, и тем, что произошло с состоянием потока энергии. Мету связи между потребленной энергией и выходом, [выраженным] в поддержании или изменении состояния комплекса «система—ситуация», мы будем называть *удовлетворением* (satisfaction). Мету сравнительного мотиваци-

* Продолжение публикации. Начало главы см. в вып. 1-3 за этот год.

онного потенциала, т.е. состояний потока и распределения на двух концах некоторого временного отрезка, мы будем называть уровнем *гратификации* (gratification) системы. Оба этих понятия нуждаются в некотором прояснении.

Оба должны быть связаны с нормативными паттернами системы, но разными способами. Удовлетворение есть по существу связь между нормативно определенными ожиданиями [в отношении] исполнения – в случае социальной системы ролевыми ожиданиями – и действительным выходом процесса исполнения, оцениваемым в терминах норм системы. В свою очередь, гратификация есть мотивационное состояние единиц системы – алгебраической суммой которого является состояние системы в целом, – рассматриваемое с точки зрения уровня напряжения, который, в свою очередь, как мы знаем, является функцией баланса между мотивационным входом в единицу и его «потреблением». В этой связи мы должны ясно понимать, что весь процесс в системе действия является процессом взаимодействия между единицами; таким образом, хотя наш анализ входа–выхода сосредоточен на системе в целом, сама система не «действует», а действуют только единицы; а потому все входы распределяются по единицам и все выходы исходят из единиц (см. прим. 1).

Это подводит нас к следующему набору соображений о мотивационных входах и выходах. Мы можем исходить из того, что в начале отчетного периода каждая единица системы имеет некоторый заданный мотивационный потенциал (т.е. состояние притока) с некоторым заданным набором «приверженностей», опосредованных ценностными паттернами. Но мы полагаем, что он может прибавляться или вычитаться под воздействием внешних влияний. Здесь нас интересуют только влияния, приходящие извне системы, но фундаментальные механизмы, видимо, одни и те же [независимо от того], происходит ли процесс через границу или в пределах нее. По существу это балансирование осуществляется через изменение доступности (availability) того, что мы назвали вознаграждающими объектами (reward-objects), и приверженности им. Данность позитивно катектируемого вознаграждающего объекта обычно «притягивает» в единицу или системный процесс больше мотивационной энергии; отнятие его или данность негативно катектируемого объекта обычно ее оттягивают – «повышают напряжение» или вызывают переключение на что-то другое. Следовательно, вознаграждающие объекты, поставляемые извне системы, конституируют второй источник мотивационных входов. В этом процессе, как мы полагаем, содержится то, что мы называем экспрессивной коммуникацией.

Однако этот процесс, видимо, подчинен одному фундаментальному ограничению. Мы полагаем, собственно, что вся мотивационная энергия рождается в организмах. Мы не видим оснований считать, что *как мотивация* (в отличие от выхода достижения или свершения) она может передаваться из одной личностной системы (т.е. системы действия единичного организма) в другую. Если это так, то изменение доступности вознаграждающих объектов будет иметь следствием изменение аллокации мотивационной энергии между потребностно-диспозиционными единицами одной и той же личности, а не между личностями. В системе социального взаимодействия, следовательно, есть очень особый вид непрерывно происходящего пограничного процесса, который состоит в балансировке мотивационных входов и выходов между потребностно-диспозиционной системой, задействованной в особых ролевых участиях членов, и остальной частью их личностей. Регулирование этих балансов, как мы полагаем, является одним из важнейших аспектов процесса уравновешивания.

Качества объектов и связи с объектами

Вход мотивационной энергии и то, что с ним происходит в ходе процесса в системе, — лишь один из аспектов проблемы входа—выхода. Другим является баланс между исходными и конечными состояниями системы и ситуации как объектов для наблюдателя, а также для входящих в них акторов.

В любой данный момент времени система является объектом, который как объект имеет свойства и связи с другими объектами и поддается делению на части — или единицы, — [тоже] обладающие как свойствами, так и связями друг с другом. Эти свойства системы как исходные единицы (units), какой бы ни была их разбивка, образуют один основной класс входов в системный процесс учетного периода. «Содействие» или «препятствование» процессу, атрибутируемые объектам ситуации, образуют второй тип входа. Первый мы будем называть *системными способностями* (system-capacities), второй — [сопутствующими] *условиями* (facilities).

Утилизация объектов в действии осуществляется, как мы предполагаем, через два фундаментальных типа процесса. Это, во-первых, процесс перцепции объектов и, во-вторых, процесс инструментального контроля над ними. Перцепция через посредство когнитивных процессов личностной системы обеспечивает выход информации, который есть изменение в системной способности, т.е. в одном из наборов свойств системы.

Также важно понимать, что переработке непосредственной перцепции объекта в информацию может способствовать когнитивная комму-

никация. В этом случае воспринятые объекты интерпретируются как символы, и их значения инкорпорируются в систему. Можно говорить о входе информации в систему через этот канал, но его следует отличать от входа перцепции.

Инструментальный контроль включает в себе «вкладывание» мотивационной энергии сверх того объема, который необходим для перцепции или понимания информации, в изменение *связи* объекта с системой (в том числе и в изменение его свойств) в направлении, которое мы будем определять как достижение или как свершение.

Входы перцепции или информации преобразуются в выходы «знания» как системного свойства, которое может «храниться» в памяти или экстернализоваться в символической форме (например, путем «записи» и «архивирования»). В последнем случае имеет место процесс коммуникации во времени от одного Я к другому с созданием символических объектов и их последующей перцепцией как промежуточными шагами.

Входы [сопствующих] условий соединяются с информацией и привязкой (commitment) мотивационной энергии для достижения инструментального контроля. Выход [этого] процесса будет той или иной комбинацией двух форм. Одна из них — изменение в качествах объектов, ценное независимо от их связей с системой, т.е. оцениваемое в универсалистских терминах. Это то, что мы имеем в виду под *свершением* (accomplishment). Особенно важным типом является подобное изменение в качествах социальных объектов; сюда мы включаем и изменение в качествах системы действия, служащей точкой отсчета. Там, где создается только информация, мы имеем дело со смысловым содержанием; но там, где производится изменение в паттерновой структуре системы, мы говорим (если это личность) об интернализации и (если это социальная система) об институционализации. Только последние паттерны, в соответствии с нашими допущениями, могут определять и контролировать границы системы действия.

Второй базовый тип выхода в объектных терминах — это партикулярно оцениваемое изменение *связи с* объектами. Такую связь можно обозначить категорией владения (possession), а ее, в свою очередь, можно подразделить на благоприятные условия (facilities) и вознаграждающие объекты (reward-objects). Сумму того и другого мы будем называть *достижением*, которое, стало быть, являет собой баланс ценных связей владения объектами, атрибутируемых системе в конце учетного периода по сравнению с его началом. Аспект достижения, связанный с [благоприятными] условиями, затрагивает исполнительную способность системы: увеличилась ли она или уменьшилась благодаря этим условиям? Аспект,

	Начальное состояние как вход	Промежуточные входы-выходы	Конечное состояние (выход)
Мотивационный процесс	Объем и интенсивность потока энергии, распределяющегося между единицами; уровень напряжения.	+ Приобретение вознаграждающих объектов и позитивная экспрессивная коммуникация.	Баланс удовлетворения: соотношение достижения-свершения с затратой энергии.
		- Потеря вознаграждающих объектов и негативная экспрессивная коммуникация.	Баланс гратификации: соотношение интенсивности потока и уровня напряжения с начальным состоянием.
Объектно-системный процесс	Исходные качества объектов и связи с объектами, в том числе качества [системы и ее исходные владения] (см. прим. 2)	1. Перцепция и информация через посредство коммуникации.	Баланс свершения: обретение или утрата ценимых качеств объектов, в том числе ценимых качеств самой системы.
		2. Обретение или утрата владения ценимыми объектами.	Баланс достижения: обретение или утрата ценимого владения объектами как средствами (facilities) и будущими вознаграждениями.

Рис. 6. Табличный обзор процесса входа—выхода

связанный с вознаграждением, в свою очередь, касается стабильности ожиданий гратификации: как баланс ожиданий вознаграждения с ожиданиями исполнения в конце периода соотносится с [их балансом] в его начале?

На рис. 6 базовые отношения входа-выхода, которые мы только что рассмотрели, представлены в табличной форме.

Исполнение и научение как системные процессы

Это описание процессов входа—выхода для стабильного состояния системы действия позволяет нам получить некоторую точку зрения на связи процессов исполнения и научения, как они называются в психологической терминологии, и таких родственных им понятий, как социализация и социальное изменение.

Оба типа процесса формулируются в терминах того, что происходит с комплексом система—ситуация как системы объектов, которая, как мы помним, является паттернированной системой связей символов и значений. Оба имеют отношение к тем способам, которыми система объектов становится организованной *по отношению к* процессу мотивационного потока (см. прим. 3), и процессам изменения в этом способе организации.

Упрощенно и эмпирически мы можем говорить о процессах исполнения как о процессах, в которых изменение, [происходящее] с точки

зрения системных ценностей, в объектном мире и в связи системы с ним, превышает изменение в качествах самой системы как объекта. Процесс научения, в свою очередь, есть процесс, в котором значимое изменение в системе превышает изменение в ситуации. В этом свете становится совершенно ясно, что исполнение и научение, как мы их видим, суть два аспекта одного и того же процесса; оба постоянно происходят во всех системах действия; таким образом, это различие следует рассматривать либо как аналитическое, либо как вопрос количественных соотношений (balances).

Тем не менее это аналитическое различие и его связь с количественным соотношением указывают на фундаментальное следствие двойственности референтной рамки действия, от которой мы отталкиваемся. По сути, мы имеем здесь дело с производной двойственностью направлений процесса действия относительно фазового паттерна.

Мы можем сказать, что, при заданной спецификации целевой ориентации для системы (и, следовательно, для ее единиц), прямым «драйвом» потока мотивационной энергии будет осуществление целевого состояния, которое по определению есть *связь* системы с ситуационными объектами; следовательно, это тяга к изменению ситуации относительно системы. Тогда фазовую периодичность процесса можно вывести из того факта, что эти изменения имеют *внутренние* для рассматриваемой системы последствия, воздействующие на ее состояния интеграции и напряжения (т.е. генерализации), и что только в предельном случае эти два процесса могут полностью «погасить друг друга» и целедостижение может продолжаться беспрепятственно в одном направлении в течение большого периода времени. В самом деле, любая упорядоченная стабилизация этого процесса исполнения требует не только того, что мы назвали спецификацией цели, но также стабилизированного паттерна для процессов адаптации, системной интеграции и поддержания латентного паттерна и управления напряжением. Именно этот целостный паттерновый комплекс мы имеем в виду, когда говорим об интернализированной «структуре характера» личности или об институционализированной «ценностной системе» социальной системы.

Но эта символично-смысловая паттерновая структура не просто статичная «данность», разве что под каким-то особым углом зрения. Она погружена в сам процесс действия и изменяется как функция его переменных. Если это изменение предполагает особый фазовый цикл, то оно есть процесс научения. Это значит, что мотивация не просто тратится на gratification в отношении катектируемых целевых объектов и используется в инструментальном контроле, но происходит также генерализа-

ция катексиса и перенос его с прежних целевых объектов на ассоциированные объекты, инструментальные или иные, отчего эти объекты приобретают новые значения, которые организуются и стабилизируются.

Рис. 7 и 8 дают схематичное видение, соответственно, мотивационного процесса и процесса в системе объектов, причем таким образом, что видны противоположные направленности в их аспектах, связанных с исполнением и научением. Если взять фазу Латентности на рис. 7 как точку отсчета для анализа исполнения, то можно представить стабилизированный приток мотивационной энергии, который «распределяется» по установленным каналам. Это *может* происходить любым – или комбинацией – из трех способов: (1) «прямоком до конца» через «отреагирование» к консумматорной фазе, которая, если связь с первичным целевым объектом не была установлена, должна быть «символической», или по одному или сразу обоим «окольным путям», а именно через (2) инструментальное или (3) интегративно-экспрессивное исполнение. Мы исходим из того, что в нормальном случае, при заданной системной цели, инструментальное будет преобладать до достижения консумматорной фазы, а затем система будет переключаться на интегративные деятельности.

В ходе этого процесса, который, напомним читателю, является «моделью», мы мыслим расход энергии как постепенно уравнивающийся удовлетворением в достижении и свершении. Вместе с тем мы полагаем, что отклонение фазового процесса от «прямой линии» отражается в изменении баланса, имеющем примерно следующую структуру: толчок к движению из фазы латентности в адаптивную фазу дается «нарастающим напряжением», что означает понижение уровней гратификации; его уравнивает комбинация повышения уровней удовлетворения (в основном через достижение) и перспективы гратификационного выхода; по мере приближения к консумматорной фазе уровень гратификации временно поднимается выше точки равновесия.

Между тем удовлетворение, [наступающее] с достижением этого уровня гратификации, зависит от того, в какой степени и состоянии системы, и состояние ситуации согласуются с «ценностями» системы. Поскольку в хорошо интегрированной системе адаптивная фаза приводит ситуацию в *большее* соответствие с этими ценностями (ожиданиями), чем раньше, то дефицит будет скорее всего таиться во внутреннем состоянии системы, на «восстановление» которого процесс в таком случае переключается. Когда это завершается – а мы исходим из того, что в ходе этого потребляется предшествующий избыток гратификации, – уровень удовлетворения достаточно высок для того, чтобы восстановить равновесие и дать системе возможность войти в фазу латентности. С мотивацион-

ной точки зрения, она далее остается стабильной до тех пор, пока мотивационный приток вновь не поднимет уровни напряжения.

Это в высокой степени идеализированная модель, но она иллюстрирует то, как наша широкая категоризация мотивационных входов и выходов может быть применена к разным фазам системного цикла. Прежде всего, она абстрагируется от процессов научения, изменений в средствах (facilities) и «промежуточных» входов и выходов, происходящих через посредство вознаграждений и наказаний.

Именно здесь становится релевантным заключенный в процессе аспект научения, ибо в каком-то смысле это процесс нарушения фазового равновесия в процессе исполнения. [Если говорить] в мотивационных терминах, мы принимаем обобщение теории научения, [гласящее], что на некотором уровне источником мотивации для всякого научения является консумматорная гратификация. В этом смысле научение есть переживание того, что простого «потребления» этой гратификации «недостаточно» и что выход гратификации—удовлетворения может быть увеличен путем *смещения* катексисов, т.е. посредством их «генерализации», [отделяющей их] от исходных, или «первичных» целевых объектов. Иначе говоря, могут начать в какой-то степени катектироваться объекты, «ассоциирующиеся с» первичным целевым объектом.

Наша парадигма далее говорит нам, что эта ассоциация может начать селективно детерминироваться ее «значимостью», или *значением*, в одном из двух направлений. Одно из них — в терминах инструментально-адаптивной значимости объекта в ситуации, ведущей к консуммации. Оно будет вести к отбору — с точки зрения релевантности специфическому целевому интересу и исполнению — либо *объекта*, поставляющего вознаграждения, либо эго, его использующего. Это приводит, в свою очередь, к подчеркиванию универсалистски оцениваемых свойств или способностей объекта в качестве оснований его отбора. Только в результате такого процесса отбора закрепляется катексис нового, ранее безразличного объекта. Именно это понимается под «инструментальным» обусловливанием в теории научения, [оперирующей схемой] «стимул—реакция».

Второе направление генерализации катексиса ведет от первичного опыта гратификации к отбору нового объекта по критериям общей для него с первичным объектом принадлежности к *системе*, определяемой относительно эго. Если эта принадлежность, например, к общему источнику деятельности, имеет приоритет над специфичностью непосредственного катексиса, то селективный процесс встраивает новый объект в диффузно катектируемый комплекс, который, в свою очередь, должен непрерывно сливаться в своем катектическом значении с солидарными

отношениями единиц системы друг с другом, конституирующими систему. Таким образом мы получаем нечто, не связанное внутренне с целевым объектом, но «заступающее на его место», т.е. обусловленное [по отношению] к нему, и это сцепление «держится» до тех пор, пока «комплекс» как целое получает подкрепление. Это паттерн «классического обусловливания» (см. прим. 4).

По-видимому, в самой природе систем действия заложено то, что оба типа генерализации первичных катексисов происходят одновременно, хотя один тип преобладает в одной фазе, адаптивной, а второй – в другой, интегративной. Во всяком случае, их последствия не могут остаться просто «оборванными концами»; они должны каким-то образом интегрироваться в ходе системных процессов. В сущности это означает, что, во-первых, специфичность инструментально значимых объектов должна найти место в целостном смысловом комплексе системы действия, они должны быть встроены в диффузно катектируемую систему, и, во-вторых, аффективная значимость партикуляристки ассоциированных объектов должна быть аккомодирована к иным фазам, нежели консумматорная, должна найти свое место, приостанавливаясь на требуемый промежуток времени и тем самым приобретая атрибуты нейтрального объекта, когда обстоятельства этого требуют.

Таким образом, отслеживание процесса до клетки латентности помогает нам проанализировать интеграцию более специфичных катексисов объектов по мере того, как они переходят в процессе научения в более интегрированную систему катектической ориентации, [или в] «установки» системы.

Мы можем подытожить связь между двумя аспектами мотивационного процесса следующим образом: Исполнение есть процесс, посредством которого, при *заданной* структуре системы действия как объекта, ситуация используется и изменяется так, чтобы произвести баланс gratification–удовлетворения как в плане количественных отношений между исходным и конечным состояниями, так и в плане распределения в конечном состоянии, в соотношении с «ценностной системой». В свою очередь, научение есть процесс, посредством которого элементы нестабильности в отношениях между системой и объектами вызывают перераспределение катексиса между наличными объектами и, тем самым, модификацию целевых спецификаций и адаптивных и интегративных паттернирований катектических значений, которая «расходится волнами» из этой отправной точки и достигает кульминации в интегративном переструктурировании всего катектическо-установочного паттерна системы как системы.

Есть соответствующая двунаправленность и в том аспекте системного процесса, который связан с символическим паттернированием. Это показано на рис. 8. В процессе исполнения, понимаемом в идеально-типических терминах, сама структура системы как объект остается неизменной. Ситуационные объекты, однако, присваиваются как владения (форма достижения), используемые в качестве средств (facilities) и тем самым, возможно, «потребляемые»; используются как целевые объекты и опять-таки, возможно, потребляются; создаются или изменяются в соответствии с ценностями системы, [и это] выход свершения. Суть проблемы в том, что происходит с системой ситуационных объектов, в том числе со связью системы с ней, в течение цикла процесса действия.

С другой стороны, аспект этого процесса, связанный с научением, касается процессов изменения в символической-смысловой паттерновой структуре самой системы. В случае прямого контакта с внешним объектным миром это должно означать переносы (shifts) катексиса на новые объекты, обсуждавшиеся выше, и изменения в их когнитивном значении посредством ассимиляции в систему новых входов перцепции и информации. Но тогда должен иметь место двойной интегративный процесс, внутренний для системы. С одной стороны, когнитивные значения отдельных объектов должны быть организованы в более или менее связную систему, [что осуществляется] в отношениях между адаптивными и латентными аспектами системы. С другой стороны, новые катектические значения должны быть интегрированы в систему владений и ассимилированы к интегративным паттернам системы. В конце концов, оба типа интеграции дискретных значений встречаются в клетке латентности, где образуют единую структуру когнитивно-катектической ориентации. Поскольку она регулирует ориентации системы на всем протяжении фазового процесса, мы говорим о ней как о «ценностной системе». Она интернализируется или институционализируется, поскольку есть «приверженность» соответствию ее нормам, и исполнение имеет тенденцию модифицировать ситуацию в соответствии с этими нормами. Вместе с тем, поскольку расхождение между ситуацией и ценностями системы имеет тенденцию вести к модификации системы в соответствии с ситуацией, т.е. к процессам научения, мы склонны говорить о ценностных паттернах, что они не являются строго интернализованными или институционализованными (см. прим. 5).

Еще раз о типовых переменных

Когда мы рассматриваем формальную структуру процессов, которые мы только что обвели взглядом, наше внимание вновь обращается к зна-

чимости комбинаций, образуемых компонентами типовых переменных, находящихся по разные стороны границы «установка—объект». Помимо комбинаций, конституирующих собственно измерения, мы обратили выше внимание на четыре комбинации, которые встроены в рис. 2 и, соответственно, в наш анализ фазового процесса. Если двигаться по часовой стрелке и называть сначала установочные компоненты, то это специфичность—исполнение, аффективность—партикуляризм, диффузность—качество и нейтральность—универсализм.

Эти комбинации явно имеют отношение к паттернам генерализации и интеграции значений, которые мы только что обсудили. Так, [комбинация] специфичность—исполнение определяет совпадение путей инструментальной генерализации катексиса и придания конечной гратификационной значимости инструментальному знанию. Таким образом, именно здесь сводятся воедино существенные компоненты паттернирования в отношении *комбинации* адаптивных и целедостиженческих (goal-gratification) факторов.

Во-вторых, [комбинация] аффективность—партикуляризм определяет совпадение путей ассоциативной генерализации катексиса в интегративном направлении и когнитивного опознания объектов как принадлежащих к одному и тому же в катектической системе. Это касается отношений между существенно важными компонентами целевой гратификации и интегративными аспектами системы. Схожим образом [комбинация] диффузность—качество касается отношений между интеграцией системных единиц друг с другом и их связью с общей культурой системы. Наконец, [комбинация] нейтральность—универсализм касается отношений между качествами системы как объекта и ситуацией как набором объектов.

Мы можем обобщить эти формальные утверждения таким образом: (1) чтобы исполнение служило специфическому гратификационному интересу, соответствующая мотивационная приверженность должна быть в установочном плане специфичной; или наоборот, чтобы некий особый инструментальный объект-средство был катектирован, т.е. его использование было мотивированным, он должен быть принорован (*must be conditioned to*) к специфическому процессу консумматорного исполнения. (2) Чтобы объекты были интегрированы в партикуляристской, т.е. «солидарной» системе, они должны ассоциироваться [друг с другом] посредством генерализации катексиса [и отсоединения его] от первичных гратификационных переживаний; и наоборот, чтобы генерализация катексиса [и присоединение его] к ассоциированным объектам пошли иными путями, нежели инструментальный, объекты должны быть интегрированы в партикуляристской системе. (3) Установочный двойник этой

партикуляристской интеграции – диффузная установка по отношению к комплексу в целом – должен согласовываться с паттернами качества, которые могут быть приписаны комплексу в целом; и наоборот, чтобы диффузные катексисы таких «комплексных объектов» были стабилизированы, должна быть когнитивная категоризация объекта в терминах удостоверяемых качеств. Наконец, (4) интегрированный паттерн качества не может быть ориентирован только на спецификации целевых состояний и прямую экспрессивную символизацию, но должен быть интегрирован через посредство нейтральных установок и универалистских стандартов с когнитивией тотального объектного мира как системы. И наоборот, любой частный экспрессивный или когнитивный «вход» должен оцениваться в соответствии с интегрированной системой стандартов.

Эти четыре пути генерализации и интеграции мы можем, таким образом, рассматривать как структурные сцепления между объектно-категоризационными и установочными аспектами системы символов и значений. Они выходят за рамки [отдельных] измерений, так как устанавливают направления процесса, связанные с условиями равновесия в системах действия. Выяснив их значимость, мы сделали шаг в сторону формулировки содержательных обобщений о системном процессе.

Символы как ситуационные объекты

Теперь можно напомнить, что в главе 2 мы утверждали, что символ *всегда* является ситуационным объектом. Символы *как таковые*, стало быть, должны поддаваться классификации в рамках схемы категоризации объектов. Эта схема, формулируемая в терминах типовых переменных, классифицирует символы соответственно их релевантности действию с точки зрения *исполнения*, иначе говоря, с точки зрения того типа «объективного» входа–выхода, который они *означают*, т.е. конституируют. Так, комбинация универсализм–исполнение *означает* либо достигаемое изменение в объектной ситуации, либо средство (*facility*), которое может быть использовано в процессе достижения. Схожим образом комбинация исполнение–партикуляризм означает вознаграждающий объект: либо объект непосредственной GRATIFICATION, производимой действием эго, либо вознаграждающий объект, передаваемый в распоряжение эго другим. [Комбинация] качество–партикуляризм означает объект экспрессивной оценки, т.е. если он является выходом процесса действия, свершением, а [комбинация] универсализм–качество [означает] объект, представляющий универсалистски оцениваемое свершение.

Этот способ рассмотрения организации символического содержания делает ясным, что объекты как символы, связанные с действием, орга-

низируются в терминах того типа *ценности*, который они имеют для системы действия. Значение объекта для актора, таким образом, *определяется* его ценностью для него в процессе действия – [т.е.] тем, что он позволяет актору «сделать», в самом широком смысле слова. Это объясняет, почему мы сочли оправданным использовать *одну и ту же* фундаментальную классификацию для упорядочения четырех видов сущностей, которые с позиции здравого смысла не кажутся составляющими один комплект, а именно: (1) типы объектов вообще, (2) типы символов, (3) типы исполнений и (4) типы ценностного паттерна, с точки зрения категоризации объектов.

Есть, разумеется, и другие надежные основания для классификации символов – такие, как особые классы объектов, к которым они реферируют, или их собственные общие атрибуты как объектов. Но именно классификация в терминах типовых переменных категоризации объекта дает нам *паттернирование* системы символов как системы, входящее в структуру самой системы действия. Именно это позволяет нам трактовать структуру системы и ситуационные объекты в непосредственно гомологичных терминах.

Комбинации установочных типовых переменных, в свою очередь, классифицируют не символические объекты как объекты, а категорические, или мотивационные *значения* этих объектов. И эти значения базируются на входах и выходах мотивации и гратификации—удовлетворения в ходе системного процесса.

Итак, мы классифицировали объекты, т.е. упорядочили ориентации на них, в терминах их значений, т.е. их функциональной значимости в процессе действия, а установки по отношению к этим же объектам классифицировали в терминах *комплементарного* набора значений. В каком смысле эти два набора значений комплементарны? *В том, что они измеряются в одних и тех же или взаимозаменяемых единицах по одним и тем же параметрам (dimensions).*

Нужно ясно понимать, что эти значения, по определению, символичны; они, как говорил Дюркгейм, «накладываются» на внутренние свойства объекта. Только в *одном* из четырех измерений – адаптивном – решающими являются «внутренние» характеристики объектов, в том числе, разумеется, внутренние характеристики акторов, которые исполняют и имеют установки. Но ценности других трех измерений, т.е. свойства социальных объектов, описываемые в терминах этих измерений, все конституируют «свершения» самого процесса действия. Их связь с «реальностью» вне системы является креативной, а не адаптивной.

Конгруэнтность объектно-категоризационных и установочных значений, стало быть, становится в трех измерениях «суррогатом» стабиль-

ности внешнего объектного мира. Или, если сказать несколько иначе, эта конгруэнтность *есть определение условий стабильного состояния системы действия*. Таков на новом уровне смысл известного положения, что общая ценностная система как ядро общей культуры незаменима для функционирования системы действия.

Таким образом, четыре способа генерализации и интеграции, которые мы обсудили выше, формулируют основные способы (modes) закрепления связей «символ—значение» в рамках их организации, *преодолевающей* ту двойственность объекта—установки, которая во взаимодействии, как мы знаем, становится двойственностью исполнения—санкции. Специфичность—исполнение соединяет, стало быть, специфичность установки — т.е. катектической инвестиции — и мотивацию исполнения действия (action performance) как в инструментальной, так и в консумматорной деятельности. В адаптивной фазе, однако, это соединение сочетается с нейтральностью—универсализмом, в силу чего инструментальное исполнение интегрируется с универсалистскими когнитивными стандартами, а преждевременная или отвлекающая консуммация сдерживается. В консумматорной фазе, с другой стороны, оно соединяется с аффективностью—партикуляризмом, в силу чего некоторая часть мотивационной энергии, высвобождаемой в консумматорной фазе, становится доступной для катексиса ассоциированных объектов, добавок к специфичному целевому объекту.

Мы обсуждали выше четыре типа нормы, каждый из которых можно мыслить как «образующийся» из объектно-категоризационного, или исполнительского, типа ценностного паттерна и установочного типа, или типа санкции. Теперь мы можем видеть, что «союз» двух паттернов, включенных в каждую норму, может рассматриваться как состоящий из двух подпар, каждая [из которых обладает] генерализованной значимостью в системе действия. Так, когда мы говорим, что одобрение — это тип санкции, соответствующий инструментальному исполнению в согласии с ценностями достижения, мы подчеркиваем тот факт, что оно поддерживает специфичность релевантного целевого интереса *и в то же время* нейтральность, необходимую для избежания преждевременной разрядки напряжения, или консуммации; оно дает прирост удовлетворения, а не графикации. Эти связи находятся в самом центре процессов уравнивания в системе действия.

В заключение этого параграфа можно еще раз обратить внимание на то открытие Бейлза, [изложенное] в главе 4, что позитивные реакции в нормальном интерактивном процессе существенно преобладают над негативными. В свете только что предложенной трактовки проблем входа—

выхода мы можем принять это как эмпирическое свидетельство в пользу нашего постулата, что действие, если рассматривать его с мотивационной точки зрения, есть однонаправленный процесс, который *потребляет* энергию. В общем и целом, как мы утверждали, негативные санкции имеют следствием замедление процессов действия. Если бы «проблема» систем действия состояла исключительно или преимущественно в поддержании статического равновесия, то, по всей видимости, был бы гораздо больший акцент на предотвращении девиантности. Преобладание позитивных санкций предполагает акцент на исполнении задачи — на производстве субстанциального выхода удовлетворения и гратификации, [призванного] уравнивать потребление мотивационного входа (см. прим. 6).

Примечания

1. Наш способ понимания связи между удовлетворением и гратификацией подводит теоретическое основание под известное эмпирическое обобщение Дюркгейма, что «счастье» не может возрастать во времени кумулятивно. То, что мы будем анализировать ниже как выходы достижения и свершения, может вести к кумулятивным результатам, но удовлетворение и гратификация суть состояния, устанавливаемые относительно стабильного состояния и оба привязанные к потенциалу энергии-выхода организма, который, как мы полагаем, лишь косвенно является функцией процесса действия.

2. Текст, который мы заключили в квадратные скобки, невнятен: «...of system now system and latter as possessions». — *Прим. перев.*

3. Запятая добавлена по предполагаемому смыслу. В оригинале предложение построено так, что запятой быть не должно; мы сочли возможным отнести это на счет некоторой небрежности авторов. — *Прим. перев.*

4. Ср.: Hilgard and Marquis. *Conditioning and Learning*, — где авторитетно обсуждается различие между этими типами обусловливания.

5. Мы понимаем, что это утверждение может быть истолковано так, будто ригидность определяет максимум институционализации. Но мы не это имеем в виду. Ригидность — тот случай, когда чрезмерно специфичные и, стало быть, обычно «символические» паттерны являются фокальной точкой сопротивления изменению. Высокие уровни контроля над ситуацией возможны лишь при значительной степени адаптивной гибкости.

6. Возможно, какую-то роль здесь играет то, что в исследованиях Бейлза изучались особые типы групп, ориентированных на задачу. Мы не считаем, однако, что значение этого открытия ограничивается только одним, довольно узко определенным классом систем.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик.
